

М.А. Можейко
(Беларусь, г. Минск)

Концепция времени в философии и поэзии Н.К.Рериха

Предисловие редакции:

Статья доктора философских наук М. А. Можейко посвящена анализу концепции времени, предложенной в философии Живой Этики. Автор реконструирует основные теоретические аспекты данной концепции, как-то: трактовка времени как базового атрибута мироздания и переосмысление в

Живой Этике содержания понятия «Космический Цикл», проблема соотношения Времени и Вечности, проблема континуальности времени в контексте единства прошлого, настоящего и будущего, проблема темпоральных характеристик сознания человека и др.

---

*Время — великий ваятель,
и столько выясняется и слагается
в самые неожиданные формы.*

Е. И. Рерих

Время как атрибут мироздания: понятие Космического Цикла

*Наступает Эра Огня, найдите
мужество и разум принять ее...*

Живая Этика

Концепция времени, представленная в философии и поэзии семьи Рерих, по своему содержанию выходит далеко за рамки традиционных моделей темпоральности, включая в себя не только идеи онтологии, связанные с интерпретацией хронологических аспектов динамики мироздания, или культурологии, связанные с трактовкой специфики восприятия времени (хроно-ощущения, хроно-переживания, хроно-толкования) в различных культурных традициях. В контексте философско-поэтического наследия семьи Рерих представлена оригинальная и целостная концепция, в рамках которой феномен темпоральности обретает особую размерность, артикулирующуюся одновременно как в космологическом, так и в экзистенциально-антропологическом планах, фиксируя тем самым особую роль феномена времени в динамичной реализации соразмерности человека и мира.

Даже в том случае, если Н. К. Рерих использует для анализа и интерпретации времени уже наличные, сложившиеся в мифологической, классической философской или иных традициях понятийные средства, он тем не менее существенно сдвигает и развивает их содержание, вписывая его в общий контекст своей философской системы.

Так, например, в философии Живой Этики широко используются традиционные для восточной мифологии и философии понятия «манвантара» и «праляя», выражающие соответственно период разворачивания, актуализации потенций Космоса, и период своего рода космической паузы, когда мироздание отдыхает между манвантарами, а также понятие «юга».

Космическая динамика рассматривается в этом контексте (со структурной точки зрения) как последовательно разворачивающиеся космические циклы: манвантара как темпорально-содержательный «Цикл Жизни», период проявления и развертывания свойств воплощенного, явленного мира, и пралайя как тот элемент космического цикла, который (в противоположность содержательному разворачиванию манвантары) является периодом растворения и покоя. В свою очередь, юга представляет собой «мировой век», последовательность которых в совокупности составляет цикл манвантары.

Однако здесь в традиционной терминологии выражается не только и не столько учение о темпоральных характеристиках бытия, сколько гораздо более общая концепция космической динамики.

Как писала Е. И. Рерих, «...в мире проявленном... беспредельность Бытия выражается в вечном движении циклов или в сменах состояний. Каждая из этих смен или, как их называют, манвантар (манвантара Вселенной, миров и человеческой жизни) имеет целью выявить и отшлифовать новую грань в Алмазе Беспредельного Познания» [3: 292].

С точки зрения философской концепции семьи Рерих, периоды манвантары и пралайи можно, строго говоря, выделить применительно к любой динамической реальности: «Во всем можно различать манвантары и пралайи. Решительно от мельчайших явлений до смены миров можно видеть этот величественный закон. Можно понять строгую прогрессию, связующую малейшее с величайшим» [Сердце: 140].

Однако наиболее значимый акцент, который делается в данной традиции на временных характеристиках динамических процессов, касается эволюционной космической динамики, понятой в качестве зависимой в своих и хронологически-темпоральных, и векторно-содержательных характеристиках от динамики активности человеческого сознания. Речь идет не только о циклах разворачивания мироздания, что было характерно для архаической мифологии и натурфилософии (см. античный *айон* — в интерпретациях от Анаксимандра до Аристотеля), но об эволюции человеческой сущности — применительно как к человечеству в целом, так и к индивидуальной духовной эволюции. Согласно философии Агни-Йоги, «...праляя есть явление планомерное и неизбежное. Самый яркий день сменяется ночью. Труд и бодрствование будут наследованы сном. Сокровища собранные будут сокрыты в тайном хранилище, чтобы проявиться в преображенном виде. Можно наблюдать такие смены *не только в великих космических явлениях, но и в жизни каждого дня* [курсив мой. — М.М.]...» [Надземное: 406].

Применительно к культурному целому также используются понятия «манвантара» и «праляя», фиксирующие в данном контексте момент смены парадигмальных традиций (культурных эпох) в культурной динамике: «Уявление новой культуры как бы покоится на уничтожении прежних достижений. Только при внимательном изучении можно убедиться, что семена человеческого труда не остались втуне, но пришло время, когда они взошли в преображенном виде.

Не случайны такие волны. Каждое понятие имеет пралайю. Только такие смены дают спираль познания. Также бывает с периодами творчества, но мудрые знают, что каждый труд несет пралайю... Они в сердце поймут, где отлив, предвещающий прилив творчества» [Надземное: 406].

Оценивая наличное (современное ей) состояние культуры как на Западе, так и на Востоке, философия Живой Этики называет это состояние Кали-югой. Как отмечено в письмах Е. И. Рерих, «сейчас Кали-юга верховно властвует в Индии и как бы совпадает с Кали-югой западного века. Любопытно отметить, каким пророком, почти во всем, оказался писавший „Вишну Пурану“, когда предсказывал темные влияния и преступления Кали-юги. Ибо, сказав, что „варвары“ будут владеть на берегах Инда, он добавляет: „Чистые племена будут заброшены, народ будет погибать. Богатство и благочестие будут уменьшаться с каждым днем, пока весь мир не будет развращен... Так в Кали-юге разложение будет неукоснительно протекать...“» [3: 71].

Однако акцент в данном случае (в отличие от традиционной мифологической модели темпоральности) сделан не на независимом от человеческого сознания течении времени, но, напротив, на его событийно-содержательной наполненности, связанной именно с созидательной активностью человеческого сознания.

Если иметь в виду, что, согласно концепции Живой Этики, преодоление трудностей выступает своего рода инструментом (причем весьма эффективным) оттачивания и укрепления направленности сознания на духовное самосовершенствование, то, безусловно, Кали-юга может быть рассмотрена как период, открывающий для творческого сознания большие возможности. И действительно, данный период оценивается Е. И. Рерих также и с той точки зрения, что «Кали-юга особенно хороша для духовного усовершенствования» [3: 127].

Такой подход позволяет формирование оптимистического прогноза на будущее: именно отрицательная аксиологическая окрашенность эпохи Кали, проявляющей все негативные моменты изживающей себя манвантары, тем не менее является одновременно и маркером близости начала нового космического цикла: «...Цикл Кали-юги для нашей планеты близится к концу. Именно сейчас¹ мы переживаем переходное состояние [к Сатья-юге. — М. М.]» [3: 223].

Это начало произойдет «с усовершенствованием», с расширением и развитием сознания, ибо «умы тех, кто будут жить в конце Кали-юги, пробудятся и будут так же прозрачны, как хрусталь» [3: 71]. Темпоральность как индикатор динамического ритма процесса понимается в этом контексте как перманентное и бесконечное «дыхание Космоса»: «Неправильно называть состояние пралайи смертью, ибо такого чисто человеческого понятия, как смерть, в Космосе вообще нет, есть лишь бесконечная смена форм. Так же и материя во время Великой Пралайи пребывает в своем самом высоком состоянии и потому не может быть лишеной духа, ибо Великое Дыхание не прекращается...» [4: 45].

Таким образом, процесс перехода от одного космического цикла к другому, понятый в традиционных учениях о манвантаре и пралайе как артикулированный сакрально и объективно независимый от сознания человека, в традиции Живой Этики переосмыслен в качестве пространства космосозидательного уси-

¹ Текст написан в 1935 г.

лия человеческого духа, внутренние трансформации которого по самоусовершенствованию и очищению оказываются важнейшим фактором космической динамики. Именно посредством этих усилий конституируются темпоральные характеристики космических трансформаций, ибо от интенсивности и успешности этих усилий зависят временные и качественные характеристики смены Космических Циклов.

II

Время и Вечность: экзистенция и эссенция

*...Есть начало и радость,
первоначало и вечность.*

Н. К. Рерих

*...Правда Вечности — в красоте духа.
Живая Этика*

Понятие времени выступает в философской концепции Живой Этики парной категорией, являясь компонентом бинарной оппозиции *Время — Вечность*.

Философская система Живой Этики может быть оценена как метафизическая в классическом смысле этого слова, то есть ориентированная на поиск сверхчувственных (сущностных) оснований бытия за внешне представленным феноменологическим рядом воспринимаемого (явления).

В этом контексте соотношение между временем и Вечностью артикулируется как имеющее не только темпорально-хронологическое, но и содержательно-аксиологическое измерения: время и временность выступают синонимом преходящего, Вечность — атрибутом непреходящего, абсолютного и сакрального (ср. с философской традицией классической античной философии с ее бинарной оппозицией *бытия и бывания*, а в гносеологии соответственно — *пути истины*, то есть постижения подлинной сущности бытия, и *пути мнения*, то есть бесконечного познания феноменов кажимости).

Так, согласно философии Живой Этики, «если бы сознание человечества могло сопоставить вечное с преходящим, то явились бы проблески понимания Космоса, ибо все ценности человечества зиждутся на вечном основании. Но человечество настолько прониклось уважением к преходящему, что оно забыло о Вечном. Между тем как показательно, что форма меняется, исчезает и заменяется новой. Преходимость так очевидна, и каждая преходимость указывает на жизнь вечную. Дух — творец каждой формы, но отвергается человечеством. Когда поймут, что дух вечен, тогда и беспредельность и бессмертие войдут в жизнь. Так нужно направлять дух народов к пониманию высших Начал» [Мир Огненный III: 363].

Понимание единства Космоса как проявляющегося через «Божественную любовь», или неразрывность «Единого, или Абсолюта» с человеческой душой, имеет в философии Живой Этики и своего рода темпоральную размерность, поскольку в природе означенное единство проявляет себя через «связь между вечным безусловным и проявленным» [3: 3].

Именно понимание укорененных в сакральной сфере бытия вечных ценностей как ценностей Вечности задает в философии Агни-Йоги вектор интерпретации духовной сферы как сферы, не имеющей темпорально-временной артикуляции как таковой («полет духа не исчисляется часами», «явление вне времени» и т.п.), а потому «жизнь земная иногда называется безвременною» [Братство: 435].

Именно в этом контексте в философии Живой Этики конституируется трактовка мысли как «поглотительницы времени»: несмотря на то, что в профанном бытии человек неизбежно погружен во временной континуум (в физическом плане) и во временность преходящих ценностей (в плане аксиологическом), тем не менее и «в земной жизни можно отрешиться от понятия времени. Как только человек погружается в мышление, он перестает ощущать время. Постоянно называем мысль поглотительницей времени» [Надземное: 226]

Такой подход, содержательно совпадая с традиционной для классической философии интерпретацией феноменов идеального как не имеющих пространственно-временной локализации, несет в себе тем не менее иную ценностно-аксиологическую нагрузку.

Аксиологическая система Живой Этики делает акцент именно на общечеловеческих (то есть вечных) ценностях, почему нередко в текстах этой традиции встречаются указания на то, что «люди настолько связали себя условным понятием времени в земном выражении, что им невозможно отрешиться от протяженности времени» [Братство: 291].

В этом ключе в стихотворении Н. К. Рериха «О вечном» [5: 117–118] традиционная оппозиция временного, преходящего, с одной стороны, и нетленно-го, вечного — с другой, наполняется новым, нравственно-этическим содержанием:

*Смотри, пока мы говорили,
кругом уже все изменилось.
Ново все. То, что нам
угрожало, нас теперь призывает.
Звавшее нас ушло без возврата.
Мы сами стали другими.
Над нами и небо другое.
И ветер иной. Солнца лучи
сияют иначе. Брат, покинем
все, что меняется быстро.
Иначе мы не успеем
подумать о том, что
для всех неизменно.
Подумать*

о вечном.

Поэтические и философские произведения Н. К. Рериха подчеркивают в этом контексте необходимость правильно воспринимать временное, преходящее: понимать его и ориентироваться в нем, но при этом адекватно оценивать его статус, знать цену ему как эфемерному.

Как сказано у Н. К. Рериха [5: 140]:

*Я привел тебя к широким
рекам и необъятным
озерам. И я тебе показал
океан. Видевший бесконечное
не потеряется в конечном.*

При подобной расстановке акцентов очевидно, что важнейшей ценностной презумпцией восприятия временных характеристик бытия выступает установка на то, чтобы в любой ситуации и при любых обстоятельствах держать в фокусе своего сознания не время в его ускользающей мимолетности (а соответственно, и преходящей значимости), но — Вечность. «Молитва есть осознание вечности» [Озарение: 307].

Прозревая за пустым чередованием дней постоянство Вечности, человек научается слушать ее дыхание, улавливать ее пульс в привычном ритме коловращения жизни, что метафорически передает стихотворение Н. К. Рериха «Привратник» [5: 48]:

*«Тайну покоя я знаю. Ее
охранять я поставлен».
— «Но пуст твой покой».
— «Для тебя он пуст», —
ответил
привратник.*

В этом отношении отказ от временных ценностей преходящего бывания иногда осмыслен в поэзии Н. К. Рериха как отказ от временных акцентуаций как таковых, — например, состояние самоуглубленного созерцания реалий Вечности отрешенным сознанием обозначается Н. К. Рерихом как выход в своего рода темно-реальное инобытие (ср. с феноменом «кайроса» в философии П. Тиллиха): «...и ушла она в тех же нарядах... без времени, не зная места...» («Девассари Абунту» [5: 205]).

Вместе с тем осознание человеком своего предназначения в качестве «сотрудника космических сил» («расширение сознания»), глубинное постижение им того обстоятельства, что его усилия по совершенствованию собственного сознания и развитию духовности являются неотъемлемым компонентом и важнейшим механизмом эволюции космического целого (ср. с концепцией очеловечивания и обожения природы в философии русского космизма: В. С. Соловьев, П. А. Флоренский, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, С. Н. Булгаков), осознание человеком единства мира его души и мира как мироздания, неизменно влечет за собой и трансформации восприятия и понимания человеком времени.

Как отмечала Е. И. Рерих, «при расширении сознания и время, и пространство приобретают совершенно иное значение и размеры. Земные измерения неприменимы там, где произошло объединение Миров... Это вполне отвечает... словам Учения — „нет ни времени, ни расстояния между объединенными сознаниями и сердцами“. Кто из духовных людей не испытал и не знает этой трансцендентальной истины!» [3: 85].

Так, постоянное памятование о Вечности задает иное прочтение времени, каждое мгновение которого осмысливается и переживается как *миг Вечности*.

В этом контексте временные характеристики мироздания вновь обретают в поэзии Н. К. Рериха [5: 142] исходную значимость:

*...Утративший сознание времени,
места и жизни — лишишься
остатков воли. И куда
пойдешь ты?
<...> ...Заслонившие себя
сомнением! ...Что они
принесут своим близким?
Снова желания без исполнения?
Потерянные, как утеряно
их бесценное время.*

Пронизанное осознанием Вечности время обретает иную размерность, позволяя человеку быть с ним в ладу, не теряя из виду путеводной нити, ведущей его к ценностям вечным [5: 143]:

*Не опаздывая,
не бойся опоздать. И настигая,
не оберни голову. Все понятное
непонятно. И все объясненное
необъяснимо. И где предел
чудесам?*

Именно человеческое сознание способно соединить в своем духовном порыве временность и Вечность, высветлить каждое мгновение своим творческим духовным усилием, дав тем самым времени возможность обрести новый свой статус в Вечности — статус Времени.

Исходя из этой общей установки, Н. К. Рерих на основании нового понимания Времени пересматривает и такие традиционные для философии проблемы, как проблема соотношения сущности и явления, явленного и неявленного. Так, в стихотворении «Увидишь» [5: 46–47] Н. К. Рерих по-новому ставит вопрос о связи сущностных и темпоральных характеристиках мироздания:

*Что лицо мое греет?
Светит солнце, теплом
наш сад наполняет.
Что там за шум?
Море шумит. Хотя за
скалистой горою его и не видно.
<...>...Очертанья уходят
в даль голубую. Когда я
увиджу все это? Завтра
увидишь.*

Вечность, таким образом, обнимая и покрывая собой все временные локусы, снимает саму идею последовательности событий, неодновременности их в темпоральном континууме: если для сидящего на берегу проплывшая мимо лодка уже в прошлом, а еще не показавшийся из-за излучины реки лебедь — в буду-

щем, то для смотрящего с высоты птичьего полета они одновременны и равно настоящи как в смысле временной отнесенности, так и в смысле подлинности. В этом отношении Н. К. Рерих задает в своей поэзии совершенно новую артикуляцию той идеи, которая в философии русского трансцендентализма традиционно рассматривалась как имеющая сугубо теистическую размерность (например, трактовка С. Н. Булгаковым человека как того, кто «не из времени смотрит во время»).

Таким образом, аксиологическая наполненность или ненаполненность мгновения выступает в философии Живой Этики не онтологически заданной и неизменной его характеристикой, но конституируется посредством работы человеческого сознания, которое может своим интерпретационным усилием как профанировать, так и сакрализовать любое мгновение, что бы в это мгновение ни происходило, прочитав — и тем самым задав — его или как механическую секунду, ничем не примечательную и настолько не отличимую от других бесчисленных секунд, что уже ни для кого не важно, чем именно она заполнена, или как мгновение Вечности в его неповторимой уникальности, преисполненной священной тайны.

III

Связь времен: прошлое — настоящее — будущее

К черте подойдем и заглянем. <...>

*Утро, скажи, что ты проводило во мраке
и что встречает опять улыбка твоя...*

Н. К. Рерих

Важнейшими проблемами философии времени у Н. К. Рериха являются проблемы единства Времени и Вечности, с одной стороны, и единства Времени — с другой.

Зримая, феноменологически данная направленность временного потока — из прошлого через настоящее в будущее — задает видение его как линейно разворачивающейся последовательности событий (моментов времени). И при моментном анализе, синхронном срезе событийного потока, и прошлое, и будущее оказываются реальностями виртуальными, данными человеку лишь условно — в качестве воспоминания или в качестве мечты.

Настоящее оказывается единственной доступной человеку временной реальностью, сжатой в итоге в неразличимую темпоральную точку мгновенности. Предельность сжатости фактически лишает человека возможности укорениться во времени: единственным способом сделать это оказывается расширение точки настоящего за счет связи ее с прошлым и будущим [Зов: 339]:

Радость! Нет часа счастья настоящего.

Есть час счастья прошедшего,

И есть час счастья будущего.

Полнота времен в этом плане дается человеку лишь в качестве возможности, которую он может (или не может) претворить в действительность. Единственное, от чего зависит успешность данного предприятия, — это мера развития его

сознания, глубина его проникновения в сущность времени, а значит — в прошлое и будущее. Ибо если в точке настоящего нет аксиологической укорененности в прошлом (а такая укорененность может быть задана только человеческим переживанием событий прошлого как ценности), то прошлое не представлено в настоящем. Аналогично, если в этой точке нет устремленности в будущее (а такая устремленность может быть задана лишь порывом человеческого духа), то будущему также нет места в настоящем, которое в данном случае перестает выполнять свою исконную функцию — функцию связи времен.

Применительно к реалиям прошлого, именно время «хранит их смысл» [5: 207]. Каждая эпоха, «оставляет свои отпечатки в Вечности. Эти явленные остатки времени так же жизненны, как сама жизнь. Каждая эпоха оставляет свое эхо, как повторение рекордов² пространственных. Но никогда рекорды не являют повторения, ибо к ним присоединяются новые энергии и новые решения» [Мир Огненный III: 175]. Эти «новые энергии» должны быть привнесены активной творческой работой сознания, умеющего воспользоваться опытом прошлого для настоящего созидания. И если это не так, отпечатки прошлых эпох остаются для Вечности втуне, не играя активной роли в процессе космической эволюции. Подобную картину описывает Н. К. Рерих в стихотворении «Замки печали» [5: 207]:

*Идете по замку.
Высокая зала. Длинные отсветы окон. <...>
Были в нем веселые трубы.
    Было твердое слово чести.
    Было познание брака.
Все это унесло время.
Долго стоят по вершинам пустые, серые замки.*

Аналогично, если живое и устремленное человеческое сознание не привнесет в настоящее мысль о будущем, будущее также не будет представлено в настоящем. Иными словами, «если память — для прошлого, то сознание — для будущего» [Озарение: 105]. «Нет прошлого, есть свет будущего — им идите» [Озарение: 55]. Вне устремленности, вне духовных усилий активного творческого сознания Время распадается на времена — временные и вне-Временные, преходящие и проходящие без следа.

В стихотворении «В танце» [5: 43–44] Н. К. Рерих моделирует ситуацию распавшейся связи времен:

*... когда в землю кладами
захоронят люди свои богатства,
... когда люди сочтут
сохранными сокровища только
на теле своем. <...>
Когда забудут
о знании. И с радостью разрушат
узнанное раньше. <...>*

² От англ. *record* — «запись», то есть след, запечатленный во времени.

*Когда не на чем будет
записать знание ваше. Когда листы писаний
станут непрочными. Ах, соседи мои!
вы устроились плохо. Вы все
отменили. Никакой тайны
дальше настоящего!*

Семантическая фигура танца выступает в данном случае метафорой бессмысленной линейности; повторения однотипных движений без продвижения, без восхождения; лишенной подлинного значения суеты, где представлено лишь наличное настоящее, лишенное тем не менее какой бы то ни было подлинности.

Настоящее, то есть нынешнее, наличное, реализующее себя в *present continuous*, должно быть настоящим, то есть подлинным, являющим всю свою глубину. Для этого оно должно выводить человека за пределы самого себя, прочерчивая из себя, настоящего, вектор в будущее. Только так, зовя человека к грядущей тайне и давая ему опору в свершениях прошлого, может настоящее стать не просто утратившей определенность мгновенной точкой, но прочным узлом, связующим прошлое с будущим.

Это и есть величайшая тайна Времени, загадка и разгадка темпоральности бытия, — миг между прошлым и будущим, то настоящее, которое в случае своей подлинности, обеспеченной усилением человеческого духа, связует прошлое и будущее, скрепляя связь времен и выводя человеческий дух за их пределы — через будущее — в Вечность.

Фиксируя в символе пустыни тщательно хранимую сакральную тайну, Н. К. Рерих непосредственно указывает на то, что ее кажущаяся пустотность, отсутствие внешней предметно-событийной наполненности, на деле скрывает исполненную величия потаенность, которая может приоткрывать завесу тайны только перед тем, чье сознание способно прозревать за наличностью настоящего глубину прошлого и бездонность будущего: «Для нас, для проезжих, не сказаны многие тайны пустыни. Она может поведать лишь своему. Лишь тому, в ком есть окончательная уверенность. Тому, кто может мыслить спокойно и о прошлом, и о будущем...» [5: 249–250].

Человек не должен и не может быть «проезжим» в собственном настоящем, иначе последнее так и останется необжитой и необогретой пустыней, где не поселились ни мечты, ни воспоминания, — выпавшим из вселенского единства вневременным топосом, откуда человеку нет возврата и нет хода в будущее. Не случайно в поэме Н. К. Рериха «Лакшми-победительница» [5: 132] именно Любовь, противостоящая «разрушению временем» и «счастье несущая», всегда успевает набросить на перманентно уходящий в прошлое, гибнущий, исчезающий в руинах мир сакральные «покрывала успокоения», покрытые священными знаками (а знак, как известно, выводит за пределы самого себя, неся весть об ином, ноуменальном и не явленном феноменологически):

*И на телах
погибших опять собираются люди,
сходятся в маленьких торжествах.
Лакшми украшает свои покрывала
новыми священными знаками.*

Таким образом, лишь в творческом усилии человеческого сознания настоящее может обрести свое подлинное лицо и свою подлинность: «Помните о сокровище сознания. Трепет вещества Космоса являет пульсацию пробуждаемого сознания. Именно радуга знания течет из трепета сознания. Видимая река из невидимого истока. *Всеми опытами прошлого и всеми достижениями будущего помните о сознании!* [Курсив мой. — М. М.] [Община: 97].

И только в том случае, если человеческое сознание строит мост между памятью о прошлом и мечтой о будущем, если силой своей устремленности в грядущее связует Время в единый целостный поток, лишь в этом случае в полной мере конституируется единство времен (эпох). Прошлое, настоящее и будущее не просто связаны линейно, но, будучи укорененными в Вечности, образуют преисполненную тайны Полноту Времен.

IV

Темпоральные характеристики сознания: зов будущего в настоящем

*И шел ты, как тень
того, что должно наступить...*

Н. К. Рерих

Основная векторно ориентированная ось разворачивания темпоральности объективно устремлена в будущее, и осознание этого обстоятельства является важнейшим моментом в осмыслении человеком своего места в темпоральном континууме: «Сознание, вмещающее только настоящее без мысли о будущем, не может примкнуть к эволюции, ибо цепь веков исчезает для такого сознания» [Иерархия: 381].

Векторная устремленность сознания в будущее — в норме — естественное его состояние. Более того, именно острое переживание перспективы будущего, отличающее человека от всех других живых существ, должно — опять же в норме — выступать для человека неиссякаемым источником радости: «Рыбак радостно возвращается с ценным уловом. *Человечество образовалось не для несчастий [здесь и далее курсив мой. — М. М.]*. Человек — тот же радостный рыбак с многообразным уловом. Конечно, улов различен, но одна радость неотъемлема — *радость мысли о будущем*. Ни рыбы, ни птицы, ни животные не знают будущего. Но человек уже знает неминуемость будущего. В этом зове пространства заключена огромная радость. Кто боится будущего, тот еще находится в животном состоянии, и мировая трапеза еще не для него. *Научиться углубить и вознести мысль о будущем — значит занять в нем место, которое будет расти вместе с сознанием*. Кто не ждет внешней помощи, тот знает ценность своего молота. Кто знает *путь в будущее*, тот может без боязни нести свой улов» [Община: 189].

Таким образом, видение и осознание сущности перспективы эволюции, которая в темпоральном отношении конституируется как будущее, дает человеку возможность постижения своего места в эволюционном процессе. Жизнь, согласно философии Живой Этики, «...есть поток непрерывный. Можно сказать, что жизнь есть полет в будущее» [Надземное: 861].

Устремленность в будущее — важнейший компонент расширения сознания, ибо когда «...сознание расширяется, то умещается в нем великая ведущая цепь причин и следствий» [Иерархия: 381].

Сознание как таковое определяется в философии Живой Этики как ориентированное в будущее, устремленное к нему и, в целом, предназначенное «для будущего» [Озарение: 105].

Важно, что эта устремленность сознания осмысливается в философии Живой Этики не только как рациональное постижение сущности и направленности перспектив космической эволюции, но и как эмоционально прочувствованная, экзистенциально насыщенная и остро напряженная векторность человеческого сердца. «Сознание должно быть в полноте устремлено в будущее. <...> Нельзя принуждать себя к такой трансформации. Можно достичь, лишь полюбив будущее» [Мир Огненный II: 60].

Такая трансформация достаточно не проста и в качестве обязательного своего фундамента предполагает осознание того обстоятельства, что каждый момент космического процесса суть момент отмирания (разрушения) прошлого во имя развития (построения) будущего: «Для построения нового дома разрушается старое строение. Каждый камень, каждая балка, вынимаемые из старых гнезд, вопиют о несправедливости совершаемого. Но расчленение совершилось, и новая энергия вспыхнула. Кали-Разрушительница стала Матерью-Созидательницей. Из обломков сооружается новое строение. Новая энергия напитывает пространство. <...> Великое действие будет всегда Нашей радостью. *Разрушение называем созиданием, если существует сознание о будущем* [курсив мой. — М. М.]» [Агни-Йога: 142].

Особенно значимым становится данный момент на временном отрезке, непосредственно предшествующем смене космопланетарных эпох (юг). В своем поэтическом произведении «Неопитая чаша» Н. К. Рерих характеризует современный ему период как именно такой, когда «как-то не нужно мыслить о былом. Теперь — настоящее, которое для будущего» [5: 235].

Именно поэтому формулируемые в философии Агни-Йоги максимы, касающиеся отношения к прошлому и будущему, однозначно отдают приоритет грядущему: «Устремленный в будущее дух не станет отягощаться лохмотьями прошлого» [Агни-Йога: 247]; «неси свет и не оглядывайся назад» [Зов: 236]; «О пепле не мысли. К своим обернись. Встреть ребенка. Неси пред собою. Учи» («Заповедь Гаятри» [5: 231]); «Люблю я улыбку грядущей судьбе без сомнений» [Зов: 74] и т. д.

Вместе с тем современное Н. К. Рериху состояние общественного сознания скорее являет картину обратную: «Люди страшатся будущего, иногда печально примираются с неизбежностью его» [Надземное: 861].

А между тем небрежение будущим, с позиции философии Живой Этики, — очевидный признак неблагополучия духа: «несколько поколений одновременно существуют на земли и одинаково мало устремляются к будущему, которое им не миновать. Небрежность эта поразительна!» [Мир Огненный I: 529].

Парадоксальным образом именно в тот период, когда активная работа сознания по приближению (выстраиванию) будущего является наиболее необходимой, массовое сознание, не вышедшее еще на уровень своего расширения, яв-

ляет как раз примеры обратной ориентации. Именно современная Н. К. Рериху эпоха демонстрирует «многоцветные ужимки духа»: «Происходит разделение на творцов, истинных искателей и на отрицателей Истины. Кто-то признаёт настоящее, прошлое и будущее, кто-то видит все в преломлении Майи, кто-то хочет достичь явления высшего отрицанием...» [Мир Огненный III: 17]. И лишь «очень немногие любят будущее» [Мир Огненный II: 346].

В сфере повседневности эта любовь может обнаруживать себя в весьма конкретных проявлениях. Так, например, может быть выделено «два вида людей. Для одних время тянется нестерпимо долго, для других оно летит несравнимо быстро. Обращайте внимание на последних. У них развиты возможности работы вечности. Можно ли представить труд вечный, если остается тягость времени? <...> Не только дело в постоянном труде, но в... переносе сознания в будущее...» [Мир Огненный II: 346].

Философия Живой Этики подробно анализирует «сущность любви к будущему»: эта «любовь — магнит и начало преуспеваний. Любовь к будущему будет самым мощным двигателем. Любовь дает понимание Надземного Мира» [Надземное: 861].

Люди, чье сознание векторно ориентировано в будущее, кто видит свою цель в приближении его, «...могут по справедливости называться крылатыми. Они чувствуют, как незримые крылья несут их над Землей. Они могут открывать великие истины и быть живыми учеными. Они чувствуют, что ничто из открытий не пропадет. Они встречают каждый день как новую возможность» [Надземное: 861].

Последнее чрезвычайно важно: любая возможность лишь приоткрывает двери, — нужно хотеть, не бояться и уметь войти, нужно быть готовым напрягать свой творческий потенциал для того, чтобы открывшаяся возможность была воплощена в действительность, нужно помочь ей реализовать потенциал будущего, насытив его собственным энтузиазмом, соединив его с собственной духовной энергией, дав ему — тем самым — жизнь настоящего.

Только то грядущее, чей потенциал к бытию получил энергетическое наполнение от устремленного сердца, может обрести бытие актуальное.

В этом контексте обретает новый смысл понимание в философии Живой Этики такого феномена, как судьба: судьба должна быть исполнена, как музыкальное произведение, где ноты задают звуковую/событийную канву, но чувства приносятся сердцем исполнителя [5: 124]:

*Твою прошлую жизнь прозревая,
столько блестящих побед
... я вижу.
Но победа тебе суждена,
если победу
захочешь.*

Символом готовности «захотеть победу» («...они любят победу», — говорится о «любящих будущее» [Надземное: 861]), символом готовности расширенного сознания как к борьбе за грядущее, так и к самому этому грядущему выступает в поэтике Н. К. Рериха улыбка: «Солнца улыбка среди туч дает радуги блистание. Будете Ауру Учителя полнить, улыбаясь через капли росы грядущего Светлого дня» [Зов: 177].

Устремленное сознание вступает в особые отношения с будущим. Присутствуя в сознании ориентированного на эволюционный процесс человека, будущее тем самым уже обретает свое бытие — пусть хотя бы еще и как бытие идеи [5: 58]:

*Небо ночное, смотри,
невиданно сегодня чудесно.
...Новые звездные знаки
блестят, и туманность
созвездий ясна и прозрачна.
Разве не видишь ты
путь к тому, что
мы завтра отыщем?*

Именно благодаря сознанию, устремленному в будущее, грядущее оказывается растворенным в настоящем, настоящее — чреватым грядущим. Надо лишь уметь увидеть те символы, те сакральные знаки, посредством которых оно подаст человеку сигнал, сообщая о своем присутствии: я уже здесь, я готово прийти, остальное — за тобой.

V

Время свершений: концепция Срока и Часа

*Спросят: как перейти жизнь?
Отвечайте: как по струне бездну —
Красиво, бережно и стремительно.*

Живая Этика

Философская концепция времени, разработанная в контексте философской системы Живой Этики, включает в себя в качестве важнейшего компонента учение о Сроках, то есть об объективно заданных логикой космической эволюции временных параметрах того или иного, как правило, чрезвычайно важно-го свершения.

Эти параметры формируются, согласно философии Живой Этики, на том основании, что темпоральность как таковая входит в самую структуру мироздания, задавая трепет, вибрации и, в конечном счете, ритм космического процесса. Как отмечала в одном из своих писем Е. И. Рерих, «вся Природа от атома и до ее венца — человека — представляет собой бесконечное сочетание вибраций, исходящих из различных фокусов, центров или тел, называйте их как хотите, наполняющих все беспредельное Пространство и стремящихся к совершенствованию в велении бытия бесконечного» [4: 60]. Вместе с тем «сроки космические направляются утверждением подземного и надземного огня» [Беспредельность II: 397], — в ходе разворачивания возможностей космической эволюции взаимодействия Космических Начал «непреложно ведет к срокам» [Беспредельность I: 257].

Таким образом, несмотря на то, что, согласно космологии Агни-Йоги, «...в Надземном мире время в земном значении не существует, имеются сроки, основанные на неизбежных следствиях» [Надземное: 575]. По формулировке Е. И. Рерих, «вся жизнь слагается, именно, сроками космическими. ...Результатом... яв-

ляются новые повороты в историческом ходе народов или в жизни планеты. Высказанное о космических сроках поясняет и жизненность их» [3: 32].

Поскольку Космос функционирует как единое целое, постольку вибрации струн человеческого духа отзываются на вибрации и притяжение Пространственного Огня. Согласно философии Живой Этики, «когда пространство зовет на подвиг, тогда космический Магнит приближает неотложное. <...> Когда пространство зовет к великому таинству, тогда сущее вибрирует всеми токами» [Беспредельность I: 161]. И в этом отношении, как пишет Е. И. Рерих, «космические огни притягивают утвержденные сроки» [3: 13].

Успех или неуспех любого деяния во многом зависит от того, в назначенный ли ему срок оно свершается, вписывается ли в хронологическую матрицу эволюционного процесса, попадает ли в резонанс со сроком, ему назначенным. Как пишет Е. И. Рерих, «...успех прежде всего зависит от срока. <...> Приведение в исполнение указа не в срок может быть разрушительно и, в лучшем случае, безрезультатно. Знание сроков есть величайшее знание, ибо во всех областях успех зависит от соблюдения правильных сроков» [3: 31].

Иными словами, время понимается в данном случае не как Вечность и не как мгновение, но как Час, как Срок. Все должно свершаться в свой урочный час, не задерживаясь ни на миг и не поспешая. В поэзии Н. К. Рериха моделируется следующий диалог с жителями пустыни, рассказывающими о таинственных и всемогущих «держателях», время от времени посещающих их аил: «„Но почему же они терпят пустыни неплодородные?“ <...> „И это придет вовремя. И реки подымутся, и леса встанут, и трава побежит всюду. Всему срок. Как ушло по погрешности людской, так и придет по держательской мысли. Они пошлют, когда нужно, когда мы сумеем опознать и принять“» [5: 249–250].

Последний момент чрезвычайно важен: человек должен быть готов к восприятию срока, урочного часа, чтобы всем своим потенциалом духа откликнуться на назначенный Час, соединить с его устремленным к эволюции вектором встречный вектор своего устремления и усилия.

В стихотворении «Время» [5: 37] Н. К. Рерих фиксирует все, к чему призывает и обязует человека этот Час:

*Зорко мы будем смотреть.
Остро слушать мы будем.
Будем мы мочь и желать
И выйдем тогда, когда —
время.*

Важнейшим моментом этой готовности (готовности как уловить срок, так и исполнить его) является чуткость, позволяющая услышать, не пропустить зов урочного часа: «...постыдно проспать стук сердца, — лучше считать явление ошибки, нежели зарыть в яму крылатое желание» [Зов: 311].

Способность к более или менее чуткому восприятию Сроков зависит от меры внутреннего совершенства человеческого сознания. — В силу космической размерности своего бытия, человек, как и космическое пространство, «будучи микрокосмом Макрокосма, является конгломератом самых различных вибраций (ритмов). По мере того, как человек совершенствуется, его вибрации повышаются и становятся более или менее стармонизированными в своем ритме» [4: 60].

Это означает, что он может с большей или меньшей чуткостью улавливать необходимые сроки необходимых свершений, чутять своего рода урочный час действия. Чуткость эта, в свою очередь, определяется точностью резонанса человеческого сознания с космическими процессами: «Когда срок приближается и входит в действие, то можно всегда проследить, как, совместно с космическими пертурбациями, перемещается человеческое сознание. Конечно, непреложность закона связывает все сферы, и общение всех космических сил является утверждением разумного действия» [Беспредельность II: 397–398].

Этот аспект развития человеческого сознания оказывается чрезвычайно важным в контексте космической эволюции: «Точность во времени должна быть соблюдена. Посмотрим не только с точки принципиальной честности, но и со стороны практичности. Человек назначает известный срок и тем посылает пространственный приказ; тот, кто принял срок, замыкает ток. <...> К этому мосту пристают лодочки возможностей, укрепляя и дополняя... Легко представить, что произойдет, если одна сторона моста исчезнет. Ведь пространственные сроки гораздо точнее механизма ваших часов; блестящие возможности рассыпаются, как песок, и исчезают неповторенные...» [Община: 181].

Дабы возможности космической эволюции не пропадали втуне, человеческое сознание должно быть достаточно утонченным и чутким для того, чтобы улавливать, не пропускать их. Более того, необходимо улавливать различие между сроками с разной мерой радикальности («решающий срок»), неотложности («близкий срок») и точечной локализации на оси времени («урочный час»).

Так, например, в стихотворении «Владычица Знамени Мира» Н. К. Рерих отмечает применительно к Знаку Знамени Мира, «насколько нельзя отложить этот Знак» [5: 199].

Необходимо тонко воспринимать «различие между сроками истинными и сроками очевидными... Опытный врач знает, что болезнь началась не перед его приходом, но раньше... Также и в вопросе сроков. Люди считают срок, когда событие стало им очевидным. Но это не будет началом событий» [Надземное: 632]. «...Представьте себе множество людей, собравшихся в обширном закрытом помещении, их хотят отравить. Спрашивается, какой срок будет решающим? Может быть, когда отравка будет подкинута, или когда она начнет действовать, или когда люди начнут умирать? Для большинства людей третий срок будет значительным, для меньшинства, может быть, признаки отравления замечены будут, и лишь исключительные люди почуют первый срок, который будет самым чрезвычайным. Так каждое явление распадается на несколько сроков. Не нужно бояться, что невежды могут смеяться, ибо они могут судить лишь на основе третьего срока. Они знают лишь следствия, но строители жизни знают сроки первоначальные» [Надземное: 315].

Вместе с тем избыточное стремление к механической посекундной точности исполнения Срока, с неизбежностью приводящее к мертвенному, не творческому ожиданию, становится психологически деструктивным фактором, действие которого может нарушить само исполнение предначертания: «Невозможно представить, сколько струн порвано предположением сроков. Усилия даже смелых духов часто пресекались преградой сроков. Полезно знать направление, но узкий срок нарушает космическое созидание. <...> Только зоркость и целесообразность поведут, не теряя энергии» [Иерархия: 34].

В своем произведении «Держатели» Н. К. Рерих подчеркнуто фиксирует этот момент: «держатели бывали и в наших аилах. Никто не знает, когда они пройдут» [5: 249]. Такая потаенность точного срока задает особую насыщенность времени открытыми возможностями, его креативную потенциальность, ибо порождает в человеке особое напряженное состояние сознания, ориентированного не на пассивное ожидание свершения предначертаний, но на активную, творческую работу по подготовке этого свершения.

В этом отношении чуткость ощущения сроков является именно чуткостью ощущения — во всей ее внерациональности.

Как сказано в «Зове» [Зов: 281]:

Срок надо понимать.

Через понимание сроков чувство организации Космоса складывается.

С волей сроки протекают в гармонии, не разрушая.

Рука Водящая пребывает над духом,

Подобно кормчему, сочетает волны, сроки и силы.

VI

Хронология повседневности: Мгновение Вечности и Вечность Мгновения

В шепоте листьев,

В плеске волны,

В дуновении ветра,

Я — с вами.

Живая Этика

Тот акцент, который философская традиция Живой Этики делает в бинарной оппозиции Время — Вечность, фокусируя внимание именно на непреходящем и вечном, вовсе не означает отсутствия внимания, обращенного к сфере повседневности, к биению пульса каждого дня.

Напротив, беспокойством и тревогой звучат слова о том, что нередко «люди слышат о приложении внутренних огней для будущей эволюции и упускают из виду значение огней для текущего времени» [Иерархия: 268].

Для текущего времени... — это значит *здесь и сейчас*: пресловутая сфера повседневности с ее бытовым шумом, создающим помехи для восприятия Вечности?

Но дано ли человеку право пренебречь ею? По оценке Ю. М. Ключникова, исследователя поэтики Н. К. Рериха, «для „йоги Рериха“ „шум земной“ — необходимый фон и почва духовного подвига» [1: 8].

Как пишет Н. К. Рерих [5: 85–86]:

... Под окнами

торговцев шум и крики.

Шаг лошадей тяжелый по

камням. И громыханье колес

обитых. Под крышей свист

ветра. Снастей у пристани

скрипенье. И якорей тяжелых

*удары. И птиц приморских
вопли. <...> Мешало ли Тебе все это?
Или во всем живущем Ты
черпал вдохновенье. Насколько знаю,
Ты во всех решеньях от земли
не удалялся.*

По определению Андрея Белого, с течением времени «человек научается все большее и большее видеть в мелочах. *Мелочи жизни являются все больше проводниками Вечности* [курсив мой. — М. М.]. Именно из мелочей и складывается, собственно, все великое, подобно тому, как Путь складывается из шагов. Вечность в этом смысле складывается из мгновений.

В стихотворении «Капли» [5: 55] Н. К. Рерих фактически ставит вопрос о ценностном статусе мгновения в темпоральной структуре бытия:

*Твоя благодать наполняет
руки мои. В избытке льется
она сквозь мои пальцы. Не удержать
мне всего. Не успеваю различать
сияющие струи богатства. Твоя
благая волна через руки льется
на землю. <...> Мелкие брызги
на кого упадут? Домой не успею
дойти. Из всей благодати в руках
крепко сжатых я донесу только
капли.*

Опыт сакрального дан человеку не только в опыте Откровения. — Сакральное открывается человеку и в профанном: «волна благая» — через «капли», «мелкие брызги». И эта благодать проливается на Землю — «через руки», то есть через человека, через его активное сознание и горячее — сердцем согретое — действие.

Вечность конституируется через мгновения и в мгновениях, из бытового и обыденного во весь рост встает Бытие, — и увидеть его можно не *несмотря на быт*, но *правильно смотря на него*, то есть усматривая за преходящими и на первый взгляд незначимыми мгновениями — *вневременное* и Вечное. Это требует особого — пристального и неравнодушного — взглядывания, это требует взора сердца, умеющего, как писал в свое время Вильям Блейк —

*В одном мгновеньи видеть вечность,
Огромный мир — в зерне песка,
В единой горсти — бесконечность,
И небо — в чашечке цветка.*

Это требует особого внутреннего душевного усилия по претворению наличных форм повседневности, *как они есть*, — в должествующие формы, какими они *должны быть*. Это можно и должно делать каждый день и каждый час, не ожидая особого случая, но в постоянном — здесь и сейчас — приложении сил к тому, что вокруг тебя, что уже дано тебе для совершенствования. И выявляя подлинность, то есть Красоту, в окружающем мире, человек выявляет ее и в своей

душе: совершенствуя внешнее, совершенствуется внутренне. Идя по этому пути, он обретает предначертанное ему свыше качество: стать мастером преобразования — преображения — жизни из неподлинного бывания в истинное Бытие.

Бытие Вечности творится через мгновения и в мгновениях, сквозь повседневность сияет свет Бытия, и потому именно в ней философия Живой Этики усматривает то пространство, в котором творится великая мистерия Жизни.

В «Зове» говорится [Зов: 94–96]:

*Гимн Творцу не только в храме возносится,
но воск свечи проливается в труде жизни.*

<...> Люблю устремление ваше к творчеству жизни.

*Чудо творится среди жизни, среди действия,
среди напряженной гармонии.*

Е. И. Рерих писала (применительно, в частности, к доверию): «Пусть это благославенное качество не ждет каких-то необычных случаев для своего проявления. Каждодневная жизнь даст лучшие возможности явить это отличное качество» [4: 152]. Как сказано в «Зове», «...являю вам учение на жизни каждого дня», «чудо свершается в жизни, откройте глаза — увидите» [Зов: 161, 109].

Так смотрит на мир С. Н. Рерих, на чьих картинах материальные формы бытия обретают особую прозрачность: сквозь элементы пейзажей и бытовых жанровых сцен просвечивает *Иная*, высшая реальность — «Огонь Пространства» — ноуменальное космическое Начало, и потому материя видится здесь именно как «материя светящаяся».

Применительно к временной размерности бытия это означает, что «мудрость растет не столетиями, но часами» [Зов: 399], иными словами, мгновение как феномен — замыкая круг — оказывается в ценностном отношении столь же важным на весах мироздания, сколь и Вечность. Для Вселенной нет большого или малого, но есть укорененное в Вечности или не укорененное, метафизически значимое и неисполненное смысла — или же пустое.

Соответственно этому, «ошибочно думать, что восхождение сознания совершается сверхъестественными восхищениями. <...> ...везде труд и опыт. <...> Именно это условие обычно упускается из виду людьми. Они думают, что можно покрыть большим поступком ряд мелких домашних действий. Но где большое, где малое? <...> Не надо надеяться, что завтра можно посадить сад новый. Только немедленно, неотложно можно укрепить питомник сознания. Садовник изучает каждый корень, найденный в саду. ...каждая нить сознания будет нитью дальних миров» [Агни-Йога: 225].

Немедленно и неотложно — это значит здесь и сейчас, не дожидаясь особых условий и символических знамений. А потому «не нужно смотреть на эти благие советы как на мораль вне жизни. Они утверждают нас, посылая по кратким путям» [Мир Огненный I: 425]. Правила Живой Этики предназначены не для «каких-то особых случаев», — «гораздо значительнее помнить их в жизни, среди обихода» [Озарение: 316].

Как сказано в Живой Этике, «за окном раздался зов. Один работник отмахнулся — не мешай, я занят. Другой обещал прийти, но забыл. Третий пришел после работы, но место уже было пусто. Четвертый при зове затрепетал и... немедля вышел — я здесь! Это называется трепетом чуткости» [Озарение].

Очень показательно в этом отношении стихотворение Н. К. Рериха «Жемчуг» [5: 91]:

*...Владыко, ты прислал мне
жемчужину Твою и повелел
включить ее в мое ожерелье.
Но Ты знаешь, Владыко,
мое ожерелье — поддельно.
И длинно оно, как бывают
длинные только поддельные
вещи. Твой сверкающий
дар среди тусклых
игрушек потонет. Но Ты
приказал. Я исполню.*

*Эй вы, уличные гуляки!
Среди моего ожерелья
есть от Владыки
данный мне
жемчуг!*

Истина — не вне жизни, и Жизнь — не вне истины, а потому не помимо, не над жизнью надо искать ее, а отыскав, беречь; не вдали от повседневности, а в самой гуще ее (ср. с проповедями Франциска Ассизского, адресованными разбойникам, волкам и ласточкам).

Учение Живой Этики предполагает необходимость развития в человеке способности и установки прозревать за мгновением — Вечность, не чураясь обычной прозы жизни, ибо в ней-то и светится Вечность — сверкающий ноумен сквозь феноменально-чувственную Майю: «Среди каждого дня ищите Света мерцание» [Зов: 227]; «Замечайте происходящее около вас» [Зов: 361]; «Замечающий явления жизни видит поезд событий. <...> Иди по солнцу, утверждаясь в очевидном, и день становится сказкой» [Зов: 157].

Как сказано в Живой Этике, «Рука Моя среди явлений каждого дня» [Зов: 450], и «чудеса могут быть в любом месте» [Зов: 482], — «в лесу ищите Моих указаний. В горах слушайте Мой зов. В журчании ручья внимайте Моему шептанию» [Зов: 325], «и Моя груба не оглушит — рост трав слышнее» [Зов: 227].

Не оглушительным громовым раскатом, — тихим и проникновенным голосом говорит с нами Вечность, посылая нам мгновение как вестника своего — *Мгновение* как мгновение Вечности.

Этот Вестник может прийти к тебе каплей росы, словом привета, солнечным лучом или улыбкой ребенка, и если ты сможешь распознать его среди шелухи пустых секунд, Вечность откроется в нем.

Лишь открытое сердце — вот и все, что нужно для этой встречи. «Люби лист придорожный — он создан Богом. Понимание — в сердце» [Зов: 237].

Необходимо сердцем почувствовать, что «травы растут, выполняя Волю Господню» [Зов: 155], научиться «слышать зов и в падении лепестка розы» [Зов: 134].

Не случайно такую важную роль играет в данной традиции — равно в философии и поэзии — образ *былинки*: «Рука Создателя не только в поражающих яв-

лениях, но и в движении былинки [Зов: 267]», «не жди, но замечай движение былинки» [Зов: 209] и т. п. Однокоренные слова «былинка» и «Бытие» уже в этимологии своей несут идею космической размерности мгновения, генетически равно восходя к проиндоевропейскому корню *bhū*, задающему синонимические параллели «быть» и «расти».

Н. К. Рерих писал [5: 93–94]:

*За моим окном опять светит
солнце. В радугу оделись все
былинки. <...> ...Солнце
вышло для тебя сегодня. Для тебя
знамена света развернулись.
Принесли тебе былинки радость.
Ты богат, мой дух. К тебе
приходит знание. Знамя света
над тобою блещет!*

Веселися!

Великое проявляет себя отнюдь не только посредством грандиозных тектонических сдвигов, — при внимательном взгляде и проникновенном понимании его можно увидеть повсюду: «Чувство Начала и Бесконечности наполняет каждый домик и всякое сердце. Но откройте и допустите» [Зов: 269].

Исследователь творчества С. Н. Рериха Р. Б. Рыбаков называл это «оптимистическим умением сквозь все несовершенства увидеть вечное и прекрасное», — «оно предстает в осязаемой и близкой каждому форме: матери и дети, счастье материнства, любви, ребячьей игры — сегодня, завтра, всегда» [6: 64].

И внешняя повторяемость скрывает под собой уникальную неповторимость, собственное лицо каждого мгновения.

В стихотворении «Повторяешь» [5: 119–120] Н. К. Рерих поднимает вопрос о самобытности мгновения, делая акцент не на формальной внешней оригинальности — экстенсивном умножении «нового», но на содержательной наполненности мгновения экзистенциально прочувствованной значимостью — внутренней интенсивности его проживания:

*Замолчал? Не бойся сказать.
Думаешь, что рассказ твой
я знаю, что мне ты его
уже не раз повторял?
Правда, я слышал его
от тебя самого не однажды.
Но ласковы были слова,
глаза твои мягко мерцали.
Повесть твою еще повтори.
Каждое утро в сад мы выходим.
Каждое утро ликуем мы
солнцу. И повторяет свои
дуновения ветер весенний.
<...> Словом благоуханным,
точно ветер весенний, в*

*рассказе своем улыбнися.
И посмотри так же ясно, как всегда, когда
повесть свою*

повторяешь.

Со времен античности мир в экзистенциальном отношении изменился достаточно мало; как отмечал в свое время Симон Маркиш, «греки так же, как и мы, смотрели на море и небо, целовали жен, ласкали детей и думали о Боге», и оттого, что все это уже с кем-то было, оно не утратило для каждого из нас своей значимости: познание, любовь, материнство — все это исполняется значимостью, укореняется в Вечности лишь в зависимости от того, какое содержание вносим в эти феномены мы сами, наше устремленное к вечным ценностям сознание.

А потому не следует идти сквозь жизнь, ожидая призыва к подвигу, — подвиг твой востребован здесь, в гуще жизни, и Срок для него определен *сейчас*, — только в стремлении к Вечности не пройди мимо Мгновения своего, мимо своего Урочного Часа.

Именно об этом стихотворение Н. К. Рериха «Нищий» [5: 30–31]:

*В полночь приехал наш Царь. <...>
Утром Царь вышел в толпу. <...>
Мы должны были узнать повеленья. <...>
Я вижу след величавый,
сопровожденный широким посохом
мирным. Это, наверно,
наш Царь. Догоним и спросим.
Толкнули и обогнали людей. Поспешили.
Но с посохом шел слепой
нищий.*

Здесь описано то, как была нарушена важнейшая заповедь, важнейшая нравственная презумпция: «толкнули и обогнали людей», не посмотрели в лицо, не заглянули в глаза, не задумались о них в своем влечении к царственному величию Истины, не заметили свечения ее в глазах, мелькнувших мимо.

Столетие спустя после написания Н. К. Рерихом «Цветов Мории» другой автор — Анхель де Куатьэ — сформулирует эту заповедь как «первую скрижаль Света», и пока его герои в своем стремлении спасти человечество («будущее мира зависит от успеха нашего дела») ищут эту скрижаль, проходя мимо страдающей и нуждающейся в помощи женщины («скрижаль — в ней, она лишь не знает об этом», «а она нуждается в помощи. Сильная — оттого и нуждается»), до тех пор истина скрижали не дается им. Она открывается лишь в тот момент, когда герои, забыв о скрижалях, все силы своей души сосредоточили на спасении *конкретного живого человека*, вернув в его жизнь любовь и свет [2: 192]. Истина оказалась проста, как все великое, и в величии этой простоты вернула героев от абстрактной любви к человечеству — к пониманию того, что эта любовь возможна лишь через любовь к людям.

Как сказано в Живой Этике [Зов: 207]:

*Космос отражается в зрачке каждого глаза,
И Бог почитет в каждом сердце.*

А потому посмотреть в лицо Вечности можно, глядя в лицо человека, увидеть ее можно в глазах Другого, в которых ты усмотрел не случайное, но Вечное. «Если бы люди думали о своем настоящем, то они могли бы изменить свое будущее. А в настоящем, действительно, есть только мелочи! Но все зависит именно от этих мелочей. Наше завтра зависит от того, что мы делаем сегодня. Именно поэтому нельзя откладывать свои решения...» [2: 139].

Не нужно далеко ходить в поисках сужденной тебе задачи, — просто умей видеть, умей «считать дыхание жизни каждого дня» [Зов: 281]. Именно так говорится о «тайном знаке» в стихотворении Н. К. Рериха «Оставлю» [5: 195]:

*Мы ходили далеко, а он
был оставлен так близко.
Прост по виду он был.*

Каждый миг может и должен быть понят в своей простоте, то есть аутентичной самоценности, которая определяется тем, что он укоренен в Вечности, а потому уже тем оправдан, не нуждаясь в дополнительных санкциях на существование — со стороны оригинальности, значимости, чего бы то ни было иного, кроме того, что он — в Вечности [Зов: 334]:

*Когда волшебный цветок ласки на земле расцветает,
Тогда новая звезда зажигается в Беспредельности.
<...> Владыко, птица счастья хочет петь на моем окне.
Я не пойму ее слов,
Но я буду дерзок.
В час утра я пойму одно слово.
И сердце мое запоет:
Оправдан, оправдан, оправдан.
Неужели за одно слово, за ласку
я могу быть оправдан Тобою,
Кто соткал ткань вечного мира и блеска?
Сын Мой, ласка — часть Правды.
А Правда в прекрасной и благой.....
Пойми это, сын Мой, в час полуночный.
Я утром к тебе постучусь.*

Для устремленного в Беспредельность сознания нет ни холодной и абстрактной вечности, ни холодного и пустого, а потому ускользающего в своей эфемерности мгновения, но есть лишь единство Мгновения и Вечности: и можно говорить не только о Мгновениях Вечности, из которых слагается в верном ракурсе увиденная повседневность, но и о Вечности Мгновения, поскольку каждый миг есть кайрос, соприкосновение профанного с сакральным, освещающее и освящающее его.

Литература

1. Ключников Ю. М. Духовный мир Рериха // Н. К. Рерих. Стихотворения. Проза. Новосибирск, 1989.
2. Куатьэ, Анхель де. Вся жизнь ты ждала. Первая скрижаль Завета. Книга вторая. СПб., 2004.

3. Письма Елены Рерих, 1929–1938. В 2 т. Мн., 1992. Т. I.
4. Письма Елены Рерих, 1932–1955. Новосибирск, 1993.
5. Рерих Н. К. Стихотворения. Проза. Новосибирск, 1989.
6. Рыбаков Р. Б. Рерихи — отец и сын. Истоки // Святослав Рерих. Священная флейта. Самара, 2000.

Тексты, относящиеся к традиции Живой Этики

- Зов* — Листы Сада Мории. Кн. I. Зов. Мн., 1994.
Озарение — Листы Сада Мории. Кн. II. Озарение. Мн., 1995.
Община — Община. Рига, 1995.
Агни-Йога — Агни-Йога. Рига, 1996.
Беспредельность I — Беспредельность. Рига, 1992. Ч. I.
Беспредельность II — Беспредельность. Рига, 1995. Ч. II.
Иерархия — Иерархия. Новосибирск, 1990.
Сердце — Сердце. Рига, 1992.
Мир Огненный I — Мир Огненный. Рига, 1997. Ч. I.
Мир Огненный II — Мир Огненный. Новосибирск, 1991. Ч. II.
Мир Огненный III — Мир Огненный. Новосибирск, 1991. Ч. III.
Братство — Братство. М., 1996.
Надземное — Надземное. М., 1992.